КОДЕКС ЗАБЫТЫХ

Мистический хоррор-триллер с драматическим ядром

Смараков Д.В.

1 серия

smarakov42@gmail.com
+79528572126

2026 г.

ПРОЛОГ

1.1. ИНТ. РАЙОННАЯ БОЛЬНИЦА. КОРИДОР — НОЧЬ

ТИТР:

35 ЛЕТ НАЗАД

Потертый линолеум. Кафель до середины стены. Лампа дневного света мигает — находит себя, гаснет, находит снова.

МАТЬ (24) сидит на лавке у стены. Прижимает к груди свёрток. Из свёртка — тонкий, надрывный плач. Он не стихает и не нарастает. Он просто продолжается — уже которую ночь.

ОТЕЦ (29) стоит у стены. Смотрит в пол. Руки в карманах телогрейки.

Из кабинета выходит ВРАЧ (50). Вытирает руки вафельным полотенцем. Говорит не на них — в сторону, в коридор.

ВРАЧ
Ущемление. Недельной давности.

Мать встаёт. Резко. Свёрток проседает — она поправляет его, не слыша себя.

МАТЬ
Так оперируйте.

ВРАЧ
Оперировать надо было неделю назад. Сейчас наркоз не переживёт. Сердце не потянет.

Плач не стихает. Мать смотрит на отца. Отец не поднимает головы.

МАТЬ
А в область?

ВРАЧ
В область — операция. Нужны деньги. На дорогу. На всё остальное.

Врач уходит по коридору. Уже на ходу — как бы себе:

ВРАЧ
За Вершиной бабка есть. В Дуброво. Говорят — берёт тех, кого мы не берём.

Останавливается. Не оборачиваясь:

ВРАЧ
Я вам этого не говорил.

Дверь кабинета закрывается за ним.

Отец поднимает голову. Медленно. Мать уже собирает свёрток — грудь, одеяльце, уголок под подбородок. Действует быстрее, чем думает.

Плач ребёнка — единственный звук в коридоре. Он не глохнет. Он просто продолжается.

ЗАТЕМНЕНИЕ

1.2. НАТ. ЗИМНЯЯ ДОРОГА — НОЧЬ

Старый автомобиль идёт по колее. Фары держат два куска дороги.

Всё остальное — снег, густой и беззвучный.

Внутри. Мать на заднем сиденье держит свёрток. Качает ровно — движение, которое уже не успокаивает ничьё.

Радио ловит помехи. Между шорохами — словно голос. Слов не разобрать.

МАТЬ
Ты сказал?

ОТЕЦ
Радио.

Он выключает.

Теперь только плач и двигатель.

Дорога кончается. Отец глушит мотор.

ОТЕЦ
Дальше пешком.

Они идут через двор. Снег скрипит.

У крыльца дома — собака на цепи. Крупная.

Собака не выходит из будки. Только голова. Смотрит — не на них. На свёрток.

Мать проходит мимо — собака уводит голову вглубь будки, до звона цепи.

Плач вдруг становится тише. Как будто ребёнка накрыли одеялом.

Родители заняты дорогой до крыльца — не замечают.

1.3. ИНТ. ИЗБА. ГОРНИЦА — НОЧЬ

Полумрак. Керосинка и три свечи на столе. Печь дышит жаром. Сухие травы под потолком. В углу — люлька, пустая; рядом пелёнки, сложенные аккуратной стопкой.

БАБКА (70) стоит у стола. Сухая, быстрая. Руки старые, но точные — руки, которые всю жизнь что-то делали в темноте.

БАБКА
На стол. Свёрток разверни.
Ручки-ножки не трогать.

Отец делает шаг. Бабка не оборачивается.

БАБКА
У двери стой. Не заходи.

Мать кладёт ребёнка на стол, разворачивает. Младенец плачет — живот надут, в пупке бугор.

МАТЬ
(срываясь)
В больнице сказали — до утра не доживёт.

БАБКА
(не глядя)
В больнице сказали — в больницу и жалуйся. Садись в углу, мамаша.

Бабка наклоняется над ребёнком. Смотрит. Долго. Так, как не смотрят на детей.

БАБКА
(тихо, ребёнку)
Ну и воешь же ты.

Она наливает воду в чашку. Ставит у изголовья. Гасит керосинку.

Теперь только три свечи.

БАБКА
Смотри на огонь. Не на меня. Мамаша — на огонь.

Мать смотрит на свечи. Бабка кладёт ладонь на живот ребёнка. Держит. Начинает — вполголоса, нараспев, в ритме качания:

БАБКА
Грыжа-грыженица, сестра-сводница. Выйди из пупка, из белого тела, на чёрную воду. Кто тебя зашил — тому тебя отдам. Кто тебя держал — тому верну...

Плач становится реже. Тише. Останавливается.

Мать выдыхает — впервые за двое суток.

БАБКА
(чуть громче — не голосом, весом)
Со двора на улицу. С улицы в чистое поле. С поля в синюю воду. Там тебе хлеб, там тебе соль. Там тебе и быть.

Пауза. Только печь потрескивает.

БАБКА
Слово крепко, вода глубока. Отзовись, кто зашивает. Хлеб на столе, дверь отперта. Отзовись...

В избе становится очень тихо. Не «тихо» — звук уходит. Даже печь перестаёт трещать. Даже ветер снаружи. Мать не замечает. Бабка — замечает. Пальцы останавливаются.

1.4. ИНТ. ИЗБА. ГОРНИЦА — НОЧЬ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Первая свеча гаснет. Не от сквозняка. Пламя просто падает.

На стене мелькнула тень, но никто ее не увидел.

Вторая гаснет.

Бабка медленно поднимает глаза — к чашке.

Вода в чашке темнеет. Ровно, по кругу — как будто капнули туши.

БАБКА
(в темноту, ровно)
Не тебе. Не за тобой дело.

Пауза. За окном стихает всё — даже цепь собаки.

БАБКА
Своего не даю.

Пауза. Длинная.

БАБКА
(тише)
Забирай гостя. А ребёнка оставь.

На секунду бледнеют цвета.

На столе младенец молчит. Открывает глаза.

Взгляд — сфокусированный. Взрослый. Прямо на бабку.

Бабка смотрит в эти глаза. Не отводит. Потом поднимает голову — и видит стену.

На стене, в свечном свете, — две тени младенца. Одна лежит по нему точно. Вторая — чуть позади. Чуть отстаёт.

Бабка смотрит на обе. Считает глазами. Две.

БАБКА
(почти шёпотом)
Две.

МАТЬ
(из угла, на огонь, не оборачиваясь)
Что?

БАБКА
(громко, обычным голосом)
В сени. Оба. Мне с ним одним остаться надобно.

МАТЬ
Он же...

БАБКА
(жестом руки показывает на дверь)
Живой. Живее твоего. В сени.

Родители выходят. Дверь закрывается.

1.5. ИНТ. ИЗБА. ГОРНИЦА — НОЧЬ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Одна свеча.

Бабка стаскивает с ребёнка свёрточное одеяльце, поднимает его на руки. Прижимает к плечу — так, как носят детей.

Она меряет избу шагами. От печи к окну. От окна к столу. Окно чёрно; в нём — только свеча и она сама, и плечо с крошечной головой.

Свет идёт спереди. На стене за её спиной — её тень. И тень младенца на её плече.

У младенца тени две. Вторая отстаёт.

Бабка останавливается. Смотрит на стену через плечо. Долго. Считает.

БАБКА
(очень тихо)
Ну вот ты какой.
Двужильный.

Она поворачивается к ребёнку лицом. Тени за её спиной не поворачиваются — ещё секунду стоят. Потом догоняют.

БАБКА
(ребёнку — ровно,
почти ласково)
Слушай, малой. Что сделала
— то сделала. Обратно не
вытащу.

Снова качает. Говорит в ритме шагов.

БАБКА
Он в тебе теперь. Гость.
Гостя не выгоняют. Гостя
кормят.

Пауза. Смотрит в его глаза — те самые, взрослые.

БАБКА
Он тихий. Пусть тихим и
будет. А чтобы тихим был —
запомни одно, пока я жива:
не забывай, как тебя зовут.
Как матерь кличет — так и ты
себя клич.

Качание продолжается. Темп не меняется — меняется вес слов.

БАБКА
Пока помнишь своё имя — он в тебе тихий. Забудешь — он решит, что дом пустой. А кто в пустой дом войдёт — тот и хозяин.

Пауза. Ребёнок не моргает.

БАБКА
И ещё запомни, малой...

Звук пропадает. Полностью.

Бабка говорит. Губы движутся. Шаги продолжаются — по доскам, беззвучно.

Тишина — абсолютная. Полторы секунды.

ЗАТЕМНЕНИЕ

1.6. НАТ. ДВОР ИЗБЫ — УТРО

Серый рассвет. Снега стало больше, чем было. Собака не выходит из будки. Наружу — только морда.

Родители выносят свёрток к машине. Мать плачет — но это уже другое: ребёнок спит спокойно. Живот мягкий.

МАТЬ
(ребёнку, тихо)
Спи, Максимка. Спи, хороший.

Бабка даёт матери маленький узелок — холщовый, туго перевязанный, размером с кулак.

БАБКА
В люльку. Пока не вырастет. Не развязывать.

Мать кивает. Не понимая — слушаясь.

Машина трогается. Уходит по колее. Утихает.

Бабка стоит на крыльце. Смотрит вслед. Долго — и ещё после того, как звук мотора исчез совсем.

В конце двора, на снегу, у самой опушки, стоит ЧЕЛОВЕК В ПЛАЩЕ. Не двигается. Спиной к дому.

Снег вокруг него — ровный. Ни следов к нему. Ни следов от.

БАБКА
(тихо; не себе — ему)
Ты рано. Не за ним ещё.

Фигура не отвечает. Не двигается.

Снег между ним и домом — ровный, без тропы. Как будто здесь вообще не ходят.

Собака в будке молчит. Уткнулась мордой в лапы. Так сидят, когда мимо идут чужие.

Бабка крестит воздух — не себя. Заходит в дом и закрывает дверь.

ИНТ. ИЗБА. ГОРНИЦА — УТРО (ТОТ ЖЕ МОМЕНТ)

Стол. Чашка. Бабка берёт её двумя руками. Смотрит: вода чистая.

Выливает воду в топку. Вода шипит. Как обычная вода.

БАБКА
(себе)
Ну вот и всё.

Она ставит пустую чашку на стол. Подходит к люльке. Поправляет пустое одеяльце.

Идёт к печи — греть руки. Обычная старуха в обычной избе.

Только свеча одна.

ЗАТЕМНЕНИЕ

ЗАСТАВКА (30 секунд)

ЛЕГЕНДА-ПРОЛОГ

Белый экран. Ни музыки.

БАБКА(ЗК)
(вполголоса)
Если чувствуешь, что тебя затягивает в пустоту — вспомни своё имя. Имя — это якорь.

Белое держится ещё секунду.

КОНЕЦ ПРОЛОГА

АКТ ПЕРВЫЙ

1.7. НАТ. ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ В ПРОМЗОНЕ — НОЧЬ

ТИТР:

Наши дни.

Промзона. Трубы, цех без крыши, забор с облезшими плакатами. Пятиэтажка без окон — под снос. Моросит.

На стене со двора — детские рисунки мелом, давние: солнце, домик, семья из трёх человек. Ниже, отдельно, неумелой рукой, — существо без пяток. Почти стёрто дождями.

Из подворотни выходит МАКС АРХАРОВ (35). Фонарь в одной руке. Под мышкой — толстая книга в обтрёпанном кожаном переплёте: кодекс. На переплёте, вросшая в кожу, царапина: «А.А.».

Макс останавливается у рисунков. Водит фонарём сверху вниз. Солнце. Домик. Человечки. Существо.

На существе свет задерживается секундой дольше, чем надо. Макс снимает рукавом наледь — как снимают паутину.

Существо проступает ярче: без пяток, пальцы цепкие. У соседнего домика солнце — с лучами. У этого — без.

Рисунку много лет. Морось его ела — а он свежее всех соседних.

Макс ничего не говорит. Идёт к дому.

1.8. ИНТ. ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ. ПОДЪЕЗД — НОЧЬ

Темнота. Мусор. Запах сырости и мела.

ЛЕЙЛА (28) остаётся на площадке первого этажа — у лестницы вниз, лицом к входной двери. Так стоят те, чья работа — дверь.

Макс идёт по коридору один. Луч собирает по кускам: почтовые ящики, сгнившие наполовину. На дверях — крестики, выведенные железом, давно.

На лестнице он останавливается. На ступеньке — обрывок ученической тетради. Макс поднимает. Страница чистая. Переворачивает. Чистая с двух сторон.

Кладёт лист обратно — ровно туда, откуда взял. Краями к краям.

Из-под плиты первого этажа, из-под самого времени, — тихий ровный щелчок. Не механический. Как отламывают ноготь.

Макс выключает фонарь. Стоит в темноте. Слушает.

Дом затихает по слоям: сначала перестаёт капать вода. Потом уходит улица.

Щелчок повторяется. Ниже. Из-под пола.

Макс не двигается. Дом тоже.

Так они и стоят — дом и человек, — и слушают друг друга. Двенадцать секунд.

Потом из-под плиты — тишина. Не уходящая: договорившаяся.

1.9. ИНТ. ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ. ПОДВАЛ — НОЧЬ

Голые трубы. Мокрый пол. Лестница вниз — узкая, сквозные ступени.

Макс спускается. И с середины лестницы тишина густеет — снизу, слоями.

Сначала уходит капель в трубах. Потом гул земли под домом. Потом воздух перестаёт двигаться.

Свет фонаря тяжелеет на глазах: не долетает до дальней стены.

Луч упирается в мокрый пол — и пол под ним тускнеет, как будто его выключают изнутри.

Под лестницей — пятно тени. Слишком плотное для этого света.

Пыль на полу дрожит — в сторону пятна. Крупинки выстраиваются по одной, по линии — как железные опилки.

Из пятна собирается осколок. Сначала — нога. Одна.

Потом — половина детского лица: ровно половина, как по линейке. Улыбка — будто не к тому лицу.

Осколок не нападает. Жмётся к стене — как вещь, которую вынесли с мусором, а потом вернули: оставить страшно.

Лужа у его ноги не отражает его. Отражает потолок.

Потолка такого здесь нет.

Макс смотрит в лужу — на отражённый потолок.

Что-то в нём не так: тот потолок дышит. Так отражается то, что уже не совсем здесь.

Макс останавливается в трёх метрах. Смотрит на осколок без страха — как на строчку, писанную с ошибкой.

Ставит кодекс на сухое возвышение. Открывает. Листает — страницы ложатся тяжело, по одной.

Останавливается. Читает глазами — долго, для него. Смотрит на осколок. Снова на страницу.

Кивает сам себе: подпись сошлась.

Он листает назад — на разворот, где почерк другой: старый, школьный.

Напротив одного имени — чужая пометка. Зачёркнуто. Не растворено — разорвано.

Макс смотрит на пометку. Потом на осколок — на его половину лица.

Из таких разрывов и берутся обрывки.

Он закрывает книгу — медленно, как закрывают дверь в комнату, где спят.

Достаёт мел. Выводит на стене два обрывка знаков — не буквы: слоги, поломанные, без верхних палочек.

Второй знак стирает рукавом наполовину и выводит заново — короче. Точнее.

Выпрямляется. Секунда тишины — ровной, как натянутая струна.

Макс выдыхает — устало, по-человечески.

Край осколка шевелится: тянется — на звук.

Макс замыкает рот. Дальше — только носом. Тихо.

Слог он пробует сначала одними губами. Беззвучно. Так взвешивают слово, прежде чем поднять.

Потом произносит. Глухо, в горло — будто не хочет, чтобы его услышал кто-то ещё.

Секунду — ничего. Слог сопротивляется: звук идёт назад, в горло, как вода в пробку.

Макс давит его из себя. Под ребром отзывается тупая боль — старая, знакомая. И тогда:

Глухой хлопок.

Слог отделяется от стены. Не сразу: стена тянет его назад, как земля тянет корень.

Отрывается. Висит в воздухе — металлический, тяжёлый, тупо блестящий. Гаснет. Опадает.

Вверх поднимается крошечный пар — как выдох на морозе.

Осколок теряет улыбку. Не сразу: улыбка остаётся в воздухе на секунду дольше, чем лицо.

И тогда осколок двигается. Не на Макса — мимо: вдоль стены, к лестнице.

Полудетской ногой, наискось, как рвутся обои — к выходу. К двери, которую держит Лейла.

Макс — одним шагом между. Не думал — тело встало.

Лужа перед осколком вспухает бугром — и оседает.

Осколок замирает. Смотрит на него половиной лица. Жмётся обратно, в тень.

Тишина. Две секунды — полная.

Макс произносит второй. На этот раз легче — и от того хуже: второй всегда легче.

Хлопок бьёт его же в грудь, как волна от близкого выстрела. Он пережидает её. Привычно.

Глухой хлопок.

Осколок теряет ногу. Падает — и не касается пола: на полдороги рассыпается серым прахом.

Прах ползёт по полу — мимо ботинок Макса — и втягивается в тень за его спиной.

Макс этого не видит.Он скормил гостю первое.

На секунду пропадает звук. Бледнеют цвета. Кадр дёргается.

Возвращается всё сразу: вода в трубе, улица, собственное дыхание — слишком громко.

Макс стоит секунду. Как человек, у которого за спиной выключили что-то большое.

Он не оборачивается. Привычка — не оборачиваться.

Закрывает кодекс. Вытирает ладонь о штаны.

На ладони — свежий тонкий ожог, нить через старую линию. Смотрит на него без интереса, как на чужой.

Свет фонаря — вверх, по сквозным ступеням.

Лейла на площадке. Стоит вплотную к краю пролёта — сама себе дверь.

Не спрашивает. Смотрит на его руку — на ту, которой он вытирал ладонь.

Этого хватает.

Она выходит первой — и держит дверь подъезда.

Не вежливость. Работа.

1.10. ИНТ. КВАРТИРА МАКСА — УТРО

Съёмная квартира. Минимум мебели. За окном — морось.

Ночь с неё не сошла — просто побледнела.

У окна — кресло. На спинке — куртка, в которой он был ночью. Не снята — брошена, между двумя ночами.

На подлокотнике — тетрадь, раскрытая там, где её оставили в темноте.

Кровать в комнате заправлена со вчера. Подушка ровная.

Макс проходит мимо — как проходят мимо закрытой станции.

Холодильник гудит — ровно, по-больничному. Труба за стеной отвечает — низко, длинно.

Кухня. Кофейник вскипел — громко. Макс выключает его, так и не налив. Пьёт вчерашний, из стаканчика. Холодный. Не глядя.

Снимает со стаканчика крышечку. Бросает в банку из-под огурцов, где таких уже штук пятнадцать.

Лёгкий стеклянный звук. Макс его не слышит.

Он и не считает. Банка не пустеет — и никогда не наполняется.

Сегодня его рука задерживается над банкой.

Он достаёт одну крышечку — не глядя, как достают не глядя.

Смотрит на неё дольше, чем на кофейник. Ни о чём.

Кладёт обратно. Не туда же — в другой конец банки.

Не знает зачем. Знал когда-то.

На столе — тетрадь в клетку, раскрытая на странице, где фраза оборвана на полуслове. Макс садится. Дописывает строку — чужой старый стих, своим ровным почерком.

Ни одной мысли за этим жестом нет: рука так отдыхает.

На единственной полке, между банкой и батареей, — магнитофон. Старый, в облупленном корпусе. Кассета внутри зажёвана на середине: плёнка торчит петлёй.

Никто её не чинит. Никто её не выбрасывает.

Каждое утро Макс почти берёт его. Каждое утро — не берёт.

Тянется за ручкой — футболка задирается. На животе, напротив пупка, — старый шрам. Серый. Размером с пятак.

Макс трогает его. Машинально. Как привычку, которой не знает.

Тень Макса на стене отстаёт от него на полсекунды.

Он касается переплёта тыльной стороной ладони — как проверяют лоб ребёнку.

Тёплый. С самого утра — тёплый.

Он убирает руку. Не решая — привычно: это он решил давно.

Он берёт кодекс. Раскрывает на прочитанном вчера. На полях, между строк, — фраза. Не его почерком. На языке, которого он не знает.

Макс смотрит долго. Переписывает её в тетрадь, аккуратно, букву к букву.

Подчёркивает одну букву. Сидит. Зачёркивает подчёркивание.

Телефон лежит экраном вверх. Пропущенный: «Отец». Вчерашний.

Макс смотрит на него секунду.

Переворачивает телефон экраном вниз — бережно, как накрывают.

Телефон начинает вибрировать от звонка. Переворачивает обратно экраном вверх. На экране: «Волков». Макс не берёт.

Дописывает строку.

Телефон снова начинает вибрировать. Макс берёт — на пятом гудке.

МАКС
Не брал.

Слушает голос в телефоне.

МАКС
Нет. Не спал.

ВОЛКОВ (ЗК)
Девочка в коме. У неё пропала тень.

Пауза. Макс ставит стаканчик. Медленно.

МАКС
Где?

ВОЛКОВ (ЗК)
Боткинская, детская. Третьи сутки. По бумагам — здорова.

МАКС
Про тень не пишут в бумагах. Кто видел?

ВОЛКОВ (ЗК)
Я такое видел один раз. Лет пять назад.
(Пауза. Тяжелый вздох.)
Ты там был.

Макс молчит. На стене его тень удлиняется — против света.

Он не замечает.

В дверь — несильный уверенный стук.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ ПЕТРОВНЫ (ЗК)
Максим! Опять труба гудит! У тебя всё нормально?

МАКС
(в трубу, не в дверь)
Всё.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ ПЕТРОВНЫ (ЗК)
Пирожков занесу!

МАКС
Не надо.

Тихие шаги. Уходят не сразу.

ВОЛКОВ (ЗК)
Пост на объездной. Через час.
(Пауза)
И, Макс. Приезжай не один. Кто с тобой ходит — я вижу.

Отключается.

Макс смотрит на погасший, чёрный экран телефона.

В отражении экрана — за его спиной, на секунду, — фигура в плаще среди вешалок прихожей.

Макс отодвигает телефон. Не замечает.

Встаёт. Касается царапины на переплёте. «А.А.».

Смотрит. Не понимает.

Переносит книгу на сушилку — как вещь, которую берегут, не зная зачем.

Берёт куртку. Выходит из квартиры.

1.11. ИНТ. ЛЕСТНИЧНАЯ КЛЕТКА — УТРО

Тесная площадка. Двери соседей. Макс выходит. Прикрывает дверь.

Напротив открывается дверь: ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА (70). Тапки. Тележка на колёсиках.

ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА
Окно у тебя в четыре ещё горело. Я не сплю — я всё вижу.

МАКС
Спал я.

ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА
(смотрит ему под глаза)
Врёшь мне.

Она разворачивает тележку. У своей двери замешкалась — хочет сказать. Не говорит. Идёт вниз, медленно, держась за перила.

Макс смотрит ей вслед. Потом — на свою тень на стене лестницы. Тень опаздывает на полсекунды.

Он моргает. Тень на месте.

1.12. НАТ. ДВОР ПАНЕЛЬНОГО ДОМА — УТРО

Морось. У подъезда — старый внедорожник.

На капоте сидит Лейла. Не в машине — на капоте. Смотрит на окна четвёртого этажа.

Увидев Макса — не здоровается. Спрыгивает.

ЛЕЙЛА
Я с десяти.

МАКС
Мне на Боткинскую.

ЛЕЙЛА
Мне сообщили. И на объездную.

Макс останавливается. Смотрит на неё секунду.

МАКС
Кто сообщил?

ЛЕЙЛА
(не отвечая)
Книга у тебя тёплая?

МАКС
С утра да.

ЛЕЙЛА
Он тёплый, когда что-то происходит. Всегда.

Она открывает машину. Достаёт термос. Пьёт сама. Максу предлагает жестом.

Он качает головой.

МАКС
Всю ночь стояла на выходе.

ЛЕЙЛА
Недолго. Он был лёгкий.

МАКС
Они все лёгкие, пока не начнут есть.

ЛЕЙЛА
Что за девочка?

МАКС
Кома. Тень пропала.

ЛЕЙЛА
Тень не пропадает. Тень уходит.

Она садится за руль.

ЛЕЙЛА
Ты опять собрался разбирать?

МАКС
Я собрался смотреть.

ЛЕЙЛА
Разобрать имя — это дать ему ещё. Понимаешь? Каждый слог — ему в рот.

МАКС
Не возьмёт. Я им не даю слов. Это данные. Я читаю то, что вижу.

ЛЕЙЛА
Это еда. Не корми.

Её рука ложится на амулет — сама, раньше чем осознает головой.

Она этого не замечает.

Макс садится в машину. Захлопывает дверцу.

МАКС
Ты приехала спорить или водить?

ЛЕЙЛА
Приехала смотреть. Как ты умрёшь — мне отвечать.

Она заводит мотор. На левой ладони, когда берёт руль, — свежий ожог, полоса через ладонь.

Под свитером, на шее, — шнурок. Край амулета виден на секунду.

МАКС
(кивает на ладонь)
Что это?

ЛЕЙЛА
Рабочее.

Трогается.

ЛЕЙЛА
(Продолжает)
У тебя?

МАКС
Спал плохо.

ЛЕЙЛА
Ты не спишь пятый год. «Спал плохо» — это у других людей.

МАКС
Про Боткинскую тебе сказали — или про меня?

ЛЕЙЛА
Про тебя — всегда.

Макс поворачивается к ней. Медленно.

ЛЕЙЛА
Смотри на дорогу.

Он смотрит на дорогу.

МАКС
Я серьёзно. Кто тебе сообщает?

ЛЕЙЛА
Тот, кто и тебе.
(пауза)
Ты просто не слушаешь.

Едут. Панельки, забор, недострой.

Лейла смотрит не вперёд — в салонное зеркало: на дорогу за ними. Дорога пуста.

Она смотрит на пустоту секунду дольше, чем на дорогу. Потом перестаёт.

ЛЕЙЛА
Сколько девочке?

МАКС
Шесть.

Лейла молчит две секунды.

ЛЕЙЛА
Шесть — плохой возраст. Они зовут всю жизнь.

Макс смотрит в окно.

МАКС
Сволочь ты.

ЛЕЙЛА
Да.
(пауза)
Всегда.

Мимо проплывает детсад — действующий: яркие трубочки, качели под дождём, очередь мам с колясками.

Макс смотрит на него дольше, чем нужно.

ЛЕЙЛА
Если он возьмёт тебя...

МАКС
(Перебивает)
Не возьмёт. Я им не даю слов.

ЛЕЙЛА
(ровно)
Не он. Любой из них. Затянет — имя своё держи. Как за перила. У нас это говорят детям.

МАКС
(почти улыбается)
«Имя — якорь». Стишок из детского сада.

ЛЕЙЛА
(секунды выдержки; не оборачиваясь)
В детсадах их и писали. На стенах.

Пауза. Улыбка сходит с лица Макса — с отставанием на полтакта.

Как тень.

Она включает печку. В боковом зеркале ловит его лицо. Держит секунду дольше, чем надо.

Ничего не говорит.

КОНЕЦ ПЕРВОГО АКТА